

Новое имя

Имя Виктора Некипелова мне ни о чем не говорило, но первое же его наугад раскрытое стихотворение поразило своей красотой и мощью.

РОЖДЕСТВО

Не зови эту ночь Рождеством — Назови эту ночь колдовством. В белый бубен гремит тишина, И картечь по звездам — мороз!

И луна — как лицо колдуна — Сторожит статузки берез. Лес сверкает, как княжий шафер, Как старинный соборный витраж,

Лес пылает, как белый костер, Как полярный, текучий мирас. А снежинки летят и летят И — смешные — помочь мне хотят.

Всё метут — мою душу мнут, Нет числа им и нет им конца, И за кончики пальцев ведут По сугробам меня, как слепца.

Знаю: должен я что-то свершить, В исполненье грядущего дня, Знаю: должен я что-то решить, Что никто не решит за меня.

Чтоб сгорели в том белом огне Все сомненья, вся робость, вся лужь, И язычник, сидящий во мне, Подает мне свой жертвенный нож.

А вокруг завывает метель, Налетая на лес, как на мол, Взгромоздившись на черную ель, Черный ворон хрипит: «Nevermog».

Что ты каркаешь, старый петух! Я найду в себе силы, я — сам! И летит, и летит черный пух К окровавленным небесам.

Вот и все. И опять — пустота, Лишь снежинок фарфоровый звон... И веселый рассвет, как всегда, Обрывает мой путаный сон.

Что значит это леденящее «Nevermog»? — Нигде больше? Никогда больше? Никогда не будет весны? И кто он, человек, создавший эти прекрасные строки?

Биография Виктора Александровича Некипелова началась издалека: родился 29 сентября 1928 года в Китае, в городе Харбине. В 1937-м вместе с матерью переехал в СССР. А через два года мать арестовали, и следы ее пропали: видимо, погибла в ГУЛАГе. В новой семье жилось плохо, отца он считал доносчиком. Восемнадцать лет, лишенный всякой поддержки и помощи семье, Виктор поступил в Омское военно-медицин-

ское училище и с отличием окончил его. В 1950 году он направлен работать фельдшером в стройбат в поселок Котлас Архангельской области. Именно тогда, в училище и в армии, пишет первые стихи. (Выходит, здесь, на Котласской земле, начиналось творчество великого, но пока неизвестного поэта?) Все в один голос советовали ему поступать в литературный институт. Но военным открыты дороги лишь в военные вузы, а ему — и того меньше, ведь он родился в Китае. Наконец Некипелову посчастливилось поступить в Харьковский медицинский институт на военно-фармацевтический факультет. Институт он окончил с отличием и уже штатским человеком: в армии прошли сокращения. Некипелова назначили заведующим Закар-

патской областной контрольно-аналитической лабораторией. В издательстве «Карпаты» появился его первый и единственный сборник стихов «Между Марсом и Венерой».

НИЧЕЙ Я, НИ ДУХОМ, НИ ТЕЛОМ

Через пять лет он переехал из приграничья в маленький, утонувший в садах и парках украинский городок Умань с богатейшей историей: когда-то Умань была южным гнездом декабристов, а в 60-е годы там бурлила литературная и общественная жизнь. Некипелов работал старшим инженером-исследователем на витаминном заводе, входил в литобъединение, поступил в литературный институт, подружился с двумя бывшими узниками сталинских лагерей. Пожилые женщины (одна из них была когда-то эсеркой, другая — канадской коммунисткой) оставались в то время поднадзорными, а «хрущевская оттепель» резко оборвалась. Посыпались доносы, начались преследования. «Все слабее ряды побратимов, все наглее кольцо стукачей», — пишет Некипелов. Далее — увольнение «по сокращению штатов», безработица и гонения, переезд в Подмоскovie, затем во Владимирскую область, первые обыски и арест в 1973 году, причина — стихи, намного опередившие свое время. Поэт лишен свободы за свое вольномыслие:

...Не ваш я, ничей я, ни духом, ни телом, И с детства противна мне всякая масть. Уверенно знаю: ни красным, ни белым Меня никакая не сделает власть.

Но если уж надо во что бы ни стало Свершить мне свой выбор, найти свой приют, Я буду всегда среди тех, кого мало, Кого притесняют, неволят и бьют».

Два года лагерей подтолкнули Некипелова к решению покинуть СССР. Он не хотел жить в стране,

Где с детства нас учат холуйству и лести, Где нынче без взятки не встать и не сесть, Где вместо былой человеческой чести — «Партийная совесть! Советская честь!»

Выехать за рубеж Некипелову не разрешают. Он вступил в Москве в Хельсинскую группу, которая боролась за права человека. Новый арест — в декабре 1979 года. На следствии ему говорили: «Мы вас, конечно, выпустим за границу, но сначала... уничто-

жим как личность. Мы выпустим вас таким, каким вы не будете нужны никому». Поэта осудили на 7 лет лагерей строгого режима и на 5 лет ссылки, но наказание постоянно ужесточалось из-за того, что он «отрицательно влиял на других заключенных», — тюрьмы, одиночки, психуки.

Но поэт не сломлен, он пишет стихи обо всем, что его окружает: о ночных «шмонах», о скользких, пропавших кровью и мочой стенах одиночек, о прогулочном дворике: «Три с половиной шага в поперечнике, восемь с осмьюшкой вдоль». Дух его горд: «Говорили: тюрьма — это стон обезьян! Утверждали: она — цитадель безнадежности! Но тюрьма — это символ любви и смирения, это — Высшая

школа надежды и нежности». Его стихи, посвященные жене и дочери, написанные в застенках, восходят к вершинам мировой лирики. Он воспевает человеческую доброту, верность, нежность, красоту вселенского мира и с Россией говорит на равных...

Его выпустили смертельно больным человеком. Диагноз «рак» поставил себе сам, диагноз «онкофобия» — лагерные медики. Умер Виктор Некипелов от тяжелой формы рака 1 июля 1989 года в Париже. Два года спустя жена и дочь Некипелова издали посмертный сборник его стихов. Закладывает эту книгу стихотворение, посвященное жене.

Я УШЕЛ ЗА КИТОМ ГОЛУБЫМ

Кто-то будет судить и судачить злорадно, Кто-то станет болтать, что я призрак и дым. Ты ответишь им: нет, он вернется обратно, Он ушел за китом голубым.

Еще нет расщепления на тело и душу, Еще мир не расколот на тысячу стран, Есть на свете одна нераздельная суша И один молодой океан.

Еще люди не знают проклятых вопросов, Еще нету у них ни греха, ни суда, Еще можно поэту наняться матросом И однажды уплыть в Никудда.

Бороздить день и ночь зоревые просторы, Слышать пенье сирен, открывать острова, Видеть новых созвездий цветные узоры, В сердце нежность копить, экономить слова. Пусть несут паруса, как могучие кони, И затянется путь наш на несколько лет. Этот кит-великан не уйдет от погони, Мы отыщем его фосфорический след. Проживи свою жизнь без стenanий и боли, Жди меня, — как всегда, вспоминай молодым. Клетки нет. Смерти нет. Есть бескрайняя воля, Я ушел за китом голубым.

Стихи Виктора Некипелова пока не успели войти в народ, но, несомненно, придет время, когда Котлас будет гордиться тем, что здесь начиналось творчество прекрасного поэта.

Людмила МУСОНОВА.

P. S. Дорогие котлашане! Если кто помнит Виктора Александровича Некипелова, который жил в нашем городе в начале пятидесятых, присылайте в редакцию «Вечернего Котласа» свои воспоминания о нем.